

Мария Бондаренко

ДОНСКОМУ фотожурналисту Борису Пантелеевичу Каралкину — за шестьдесят. За 45 лет работы ему удалось сделать более 300 снимков Михаила Шолохова, запечатлеть, как Никита Хрущев заставляет сопровождать его кукурузу на полевом стане, побыть на семи съездах, будучи беспартийным....

Удалось ему в первую же свою командировку научиться пить водку залпом. Тогда ему только исполнилось семнадцать. Редакция направила его в Вешки, на Верхнем Дону, к писателю Шолохову.

— Мне так хотелось выполнить редакционное задание и стать собкором областной газеты «Молот», — вспоминает Каралкин. — А потому по дороге в Вешки я страшно переживал: удастся ли уговорить знаменитого писателя фотографироваться. Его-то, поди, маститые журналисты окружают, а что я? На пороге шолоховского дома меня встретила жена Михаила Александровича — Мария Петровна. Позвала: «Миша, к тебе из редакции». Михаил Александрович, окинув меня добрым взглядом, первым делом спросил: «Дитя, ты пьешь или нет?».

Наслышанный о крутом нраве Шолохова, Каралкин на какой-то миг задумался: признаться честно, что не пьет, —

Шолохов и Буденный.

«ДИТЯ, ТЫ ПЬЕШЬ?»

Независимая газета, -1998: -16 сент.

- с. 7

В школе, построенной на деньги Михаила Шолохова, казачата, наперекор учебным программам, захлеб читают «Поднятую целину»

Михаил Шолохов за четыре дня до смерти. Фото Бориса Каралкина

может выгнать; скажешь, пью, — тоже неизвестно, что выйдет. А потому решил: будь что будет и не моргнув глазом соврал: «Конечно, пью, Михаил Александрович. Ведь кто у нас на Дону не пьет!» «Маша, закуски», — скомандовал писатель. Первые сто граммов молодой фотограф махнул единым духом. Шолохов позвал жену: «Маша! Смотри, как красиво дитя пьет!».

Лишь на третьи сутки Борис приступил к работе. В то время как он шелкал кадр за кадром, Михаил Александрович нахваливал его старым казакам: «Вы не смотрите, что Боря молодой, он запросто может залпом выпить большой стакан водки...»

Из своей первой командировки Каралкин возвращался с массой интересных снимков. Сколько потом было у него еще встреч с Шолоховым! «Меня всегда хорошо встречали в доме писателя», — рассказывает Борис Пантелеевич. — Мария Петровна была, как чекистка. Мне не раз приходилось слышать, как она говорила Михаилу Александровичу: «Этот человек плохой, чтобы его больше здесь не было». А потому в дом попадал далеко не всяк, но если уж он переступал порог, то это было надолго.

Михаил Шолохов встречал гостей хлебом-солью. Кто бы ни приезжал — Хрущев, Брежнев, Сергей Бондарчук, — всегда было большое застолье. Борису Каралкину не раз приходилось быть свидетелем этих встреч.

В гости к Шолохову ожидался сам Дмитрий Шостакович. На ростовском вокзале писатель не встречал гостя, и композитор очень обиделся. При встрече Шостакович не преминул высказать обиду:

— Хороший казак встречает гостя у порога.

— Ты на тридцать лет меня моложе, — ответил писатель. — Ничего страшного, что не встретил. И вообще, зачем ты сюда приехал? По делам, что ли?

— Я приехал сюда оперу написать, «Тихий Дон».

— Не дам-донскую эпопею на еврейскую музыку перекладывать. У нас этого никто не поймет. Лучше отдыхать будем.

Целую неделю отмечали они встречу. Говорят, после поездки на Дон композитор в «Кремлевке» недели две лечил печень.

Вспоминает Борис Каралкин и встречу Шолохова с Василием Шукшиным. Актер встретился с писателем во время съемок фильма «Они сражались за Родину». Было видно, что Шолохов уважительно относится к Шукшину. «Вот что скажу я тебе, Вася, — советовал он, — хватит дурака валять, бросай кино... Ты же хорошие книги пишешь»... Этот разговор проходил между ними незадолго до смерти актера. Но почему-то кажется, что Шукшин послушался бы Шолохова...

В 1964 году в Ростове-на-Дону, на Пушкинской, происходило открытие памятника Семену Буденному. На торжестве присутствовали и Вучетич, и комбриг Первой Конной, и Шолохов. Михаил Александрович много шутил, смеялся. Глядя на бюст Буденного, он сказал скульптору: «Нет, это не памятник... Буденный должен быть на коне!» Года через четыре в центре Ростова появился другой памятник Вучетича — Буденный на лихом коне.

Не раз приезжал на Дон Никита Сергеевич Хрущев. Как правило, столы для генсека на-

крывали только близ «королевы полей» и фотографировали исключительно на фоне кукурузы. Однажды, встречаясь с местным руководством в поле, Никита Сергеевич заставил всех есть кукурузу прямо из бака походной кухни, где она варилась. И шутить по поводу кукурузы никому в голову не приходило. Только вот дома у Шолохова Хрущев потчевали традиционно донскими блюдами из рыбы. И о кукурузе там уже никто не вспоминал, ибо все шло, как говорится, по полной программе.

Глядя на изрядно подвыпившего генсека, я вспомнил шолоховское: «Дитя, ты пьешь?»

Самое интересное, что на Дону тогда многие воспринимали приезд Хрущева к Шолохову как нечто вполне обычное, считали, что их жены — родные сестры, конечно же, из-за одинаковых отчеств — и та, и другая были Петровны.

«Не сомневаюсь, — говорит Каралкин, — что Хрущев не мог не похвалиться Шолохову, как угощали его в одном из колхозов Зимовниковского района его любимыми дыньками-«колхозницами». Эх, знал бы он, что было на самом деле». А было вот что. Перепуганный председатель колхоза, узнав, что у него будет обедать генсек и что он, помимо кукурузы, обожает еще и дыньки, пригнал из Астрахани целую машину «колхозниц». Хрущев же, увидев на столе дыньки, заинтересовался:

— Откуда здесь «колхозница»?

— Я выращиваю, — приврал председатель.

— Ишь, какой орел... Пришли-ка мне самолет таких дыньек, — скомандовал Хрущев.

Через несколько дней генсека сняли, а председатель долго радовался, потому как не знал, где раздобыть и самолет, и дыньки.

Последний раз Борис Каралкин был в доме Михаила Шолохова на его 80-летнем юбилее, незадолго до смерти писателя.

— Мне запомнились тогда слова Михаила Александровича: «Я добрый человек. Никому зла не делал».

Мария Петровна рассказывала, что Михаил Александрович почти все время проводит в своем кабинете и «все жмет и жмет бумаги»... Даже она, близкий ему человек, не знала, чего не хотел оставлять потомкам писатель.

— После смерти Шолохова, при жизни Марии Петровны, — говорит Каралкин, — в дом писателя приезжали чиновники, чтобы описать имущество: дескать, здесь должен быть музей. Им навстречу вышел сын писателя — Михаил Михайлович с ружьем и сказал: «Не дам. При жизни матери здесь музея не будет».

Вешки уже не те, что были при жизни Михаила Шолохова. Построенный на его деньги аэродром практически бездействует. Проложенную от аэродрома до станицы дорогу пора бы подремонттировать... Вроде, все то, да что-то не так. И лишь в школе, построенной на деньги писателя, по-прежнему звучат звонкие голоса казачат, которые наперекор всем учебным программам захлеб читают «Поднятую целину».

Ростов-на-Дону

45